

Николай РУССЕВ

СЛАВЯНСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ

Изучение роли славянского фактора в истории восточных романцев является «заботой» как политиков, так и политиканов уже не одно десятилетие. Однако это вовсе не способствовало достижению учеными консенсуса, который и теперь все еще не просматривается даже на горизонте. Между тем, источниковедческая база темы уже давно пребывает в состоянии стабилизации. Как ни странно, несовпадающие, а нередко и взаимоисключающие выводы возвышаются на первичных свидетельствах одного круга. К сожалению, приходится говорить о массовом стремлении увидеть прошлое в свете партийных установок сегодняшнего дня, несмотря на то, что в условиях захлеб декларируемой евроинтеграции они выглядят наследием «юрского периода». Его можно преодолеть только одним путем: систематически и строго научно излагая для широкой общественности свое понимание проблемы.

В полемике об участии славян в развитии восточнороманской общности сломано много копий. На одном полюсе – точка зрения, сводящая итоги расселения славян к грабежу коренных жителей. О воздействии на устройство общества говорится, что «славяне не могли оказать на местное население никакого влияния, ибо ... у них были только зачаточные формы социальной организации жизни» [ИРДМ 1992: 183]. Противоположное утверждение заключается в том, что тесные контакты славян с романизированными обитателями Подунавья в эпоху «Великого переселения народов» привели к появлению «волохов», у разных групп которых была своя судьба. Оказавшиеся в Карпато-Днестровских землях вторично испытали мощное воздействие теперь уже восточных славян и к XIV в. преобразовались в народность молдаван [Мохов 1978: 6-7 и др.]. Срединное положение занимает мнение, согласно которому неолатинские народы (итальянцы, испанцы, португальцы, французы) сложились в результате взаимодействия трех элементов – автохтонов, римлян и варваров-германцев. Подобным образом появились и румыны, предками которых являются не только фракийцы и римские колонисты, но также и вмешавшиеся в процесс этногенеза «славянские варвары» [Панаитеску 1992: 6-7; ИР 2001: 32].

Все эти построения выглядят упрощенными схемами, хотя бы потому, что давняя и богатая история славянства в Молдавии продолжается донныне. Со времени выхода славянских племен к дунайской границе Византийской империи в VI в. их этнокультурное присутствие приобрело в регионе непрерывный характер. Роль славян в течение последовавших пятнадцати веков многократно видоизменялась, но всегда оставалась здесь существенной. Моя задача - наметить основные причины жизнестойкости славянской составной социального развития Карпато-Днестровских земель в средние века.

Славянская общность уже в раннем средневековье охватывала огромные пространства от Прибалтики до Балкан. Поэтому, прежде всего, следует говорить об этнокультурном присутствии и его особенностях. Оно засвидетельствовано археологически и в Молдавии, заселение которой славянами было сложным и длительным с участием других народов [Рафалович 1972: 10-13 и др. Рис. 1; Тельнов, Степанов, Руссев, Рабинович 2002]. В первую очередь надо иметь в виду волохов и тюрков [см. Рабинович 2000: 372-382; Руссев 2005: 93-105]. Однако об особенностях трех взаимодействовавших этнических ареалов на юго-востоке средневековой Европы можно сказать: **Тюркская река впадала в Славянское море, в котором находились Волошские острова.**

Такого рода этническая ситуация складывалась еще до завоевания края монголами (см. доклад Р.А. Рабиновича). Арабские авторы отметили на рубеже XIII-XIV вв. в Восточном Прикарпатье «страну валахов и русских», которая соответствует понятиям «Россовлахия» и «Молдославия» из документов византийской церкви [Коновалова 1991: 73-75, 91-92; Гюзелев 1994: 215-216, 227, 231-235]. Действительно, на юго-западе современной Черновицкой области Украины с XIV в., а то и раньше существовала «этнически смешанная полоса поселений, где рядом со славянскими возникали и волошские села» [Тимошук 1969: 137-138, 143-181]. В молдавской летописи Григоре Уреке эта реальность объяснена тем, что старик-пасечник Ецко одновременно [условная дата 1359 г.] с Драгошем привел из «Земли Ляшской» своих соплеменников, и с тех пор «много русских» поселилось вверх по реке Сучава и по Сирету со стороны Ботошань [Уреке 1971: 65-66]. Русинский след прослеживается и в истории с переселением из-за Карпат воеводы Богдана [Руссев 2005: 97-98].

Есть основания полагать, что социальная структура раннефеодального молдавского общества формировалась главным образом на волошко-русинской основе. Среди приближенных к господарю людей значатся Байко, Ходко, Цудко. В южнорусском происхождении этих антропонимов трудно усомниться. По данным грамот Молдавии за 1384-1457 гг. наиболее распространенным в верхушке общества было

имя «Иоанн» – 88 человек. Однако людей, названных календарной формой с производными, всего 26, тогда как носителей имени «Ион» с его вариантами было 36, а «Иван» – 22 боярина. Аналогичная картина складывается и при рассмотрении второго по популярности имени «Георгий». Канонической формой из 56 человек названы только два. Зато обладателями имени «Журж» выступают 33, Юрий – 14, а Юга – 4 лица [См.: DRHA 1975, 1976]. Это может означать, что не менее четверти молдавской знати представляли выходцы из русинов. Совпадающие результаты дало и исследование сельской ойконимики, определившее долю восточных славян в 26,5 % всех жителей Молдавии первой четверти XV в. [Полевой 1979: 113. Табл. 9].

На то, откуда и как пополнялось количество славян в стране, указывают и другие источники. Одни из них связаны с многотысячным войском то ли молдаванина, то ли русина Мухи, действовавшем около 1490 г. в пограничных с Молдавией польских владениях. Хотя в его рядах было много простолюдинов, вряд ли их рейды были народным восстанием [Ср.: Мохов 1964: 146-150]. Отряды опытного в военном искусстве Мухи не просто опустошали «земли Польши и Руси», но уводили с собой «толпы людей». При этом Тевтонская хроника утверждала, что молдавский господарь «ежегодно причинял большой вред, брал добычу людьми, скотом, лошадьми и добром» [ИС 1965: 67, 296].

Литовский посол в Москве сообщал, что в 1494 г. Стефан «приславши люди тайно, город наш Бряславль жжог, и люди многии головами в полон повел. В ответ Иван III разьяснял, что «захотели к нему бряславцы сами ити на жытье в Волошскую землю». Согласно его версии, молдаванам пришлось вступить в сражение с татарами, которые взяли город и пленили его жителей. В итоге «бряславцов у них всех отняли и пришли с ними на житье в Волошскую землю и з женами и з детми» [ИС 1965: 71-72, 298]. Летописец Григорий Уреке, утверждавший в первой половине XVII в., что из жителей Молдавии «почти треть говорит по-русски», полагал, что такая этноязыковая картина возникла в результате действий Стефана. По его данным, в 1498 г. господарь угнал из Подолья и Галицкой земли более 100 тыс. человек [Уреке 1971: 110-111].

В ноябре 1502 г. польский сейм получил сообщение: Стефан «объявил, что хочет завоевать крепости королевства, и в особенности Галич, Бучач, Чирвоный Язловец и Каменец». Заодно с молдавскими войсками действовали отряды «рачей», т.е. сербов. Особенно опасным для короны было то, что земли Подолья «под влиянием событий начинают волноваться и отпадать к Валаху» [ИС 1965: 87-88]. Именно тогда «часть русской шляхты с удовлетворением приняла молдавскую власть» [Сперальский 2001: 56]. Симпатии и настроения не были сию-

минутными. Во время похода Богдана 1509 г. в Покутье «почти все рутены убегали к нему и отдавали ему себя в подданство, а тот охотно их принимал; тех же, кто римской религии, приказывал убивать» [ИС 1965: 305]. Чтобы пресечь шпионаж православных священников в пользу единоверцев, король Сигизмунд в 1511 г. потребовал рукополагать их в Польше. Его возмущало то, что «русинские попы ради возведения в сан, как у них принято, обращаются в Молдавию» [ИС 1965: 91]. Согласно молдавско-польской летописи, в 1527 г. Петр Рареш совершил поход против венгров и после победы на реке Муреш «большие сокровища и людей, сербов [czaklow] и саксонцев пригнал оттуда в Молдавию» [СМЛ 1976: 122].

Значительные группы населения, перемещавшиеся в молдавские пределы по разным причинам, в особенности из соседних владений Польши, обеспечивали долговременность и устойчивость славянского присутствия. Его наличие отметили и побывавшие в Молдавии иностранцы. Анонимное описание Молдавии 1528 г. сообщает, что «здешний народ» представляют люди «различных верований и сект, такие как рутены, сербы и армяне, болгары и татары и даже достаточно большое количество саксов католиков». Аналогичная информация содержится в «Хронографии Молдавии» 1541 г. [CS 1968: 192-193, 196]. К этому году относится и одно из первых известий о выступлении молдаван с казаками. Тогда «некоторые разбойники из молдавских подданных» в сговоре людьми из польских земель опустошили «многие села в окрестностях Белгорода и Тигины», а затем скрылись в пределах Молдавии [ИС 1965: 117].

Заодно с Иоанном Лютым, поднявшим Молдавию на войну против османов, сражались также казаки [см. Мохов 1961: 45-52]. Поражение восставших не прервало эти связи. Уже в ноябре 1577 г., «сговорившись с местными боярами», в Яссы вошел приверженный «малорусскому обычаю» Иван Подкова, назвавшийся братом погибшего господаря. Два-три месяца спустя отряды казаков, поляков, чехов и молдаван возглавил его «брат» Александр [ИС 1965: 146, 149, 153, 154, 158-160]. В том же 1578 г. объявился новый претендент на престол, сказавшийся сыном Александра Лэпушняну. С ним было около 400 «малоустойчивых людей», к которым потом присоединились 7-8 тысяч «борисфенских разбойников». Польский король утверждал: «В Молдавии они более всего имеют пристанище, откуда им поставляется оружие, одежда и провиант» [ИС 1965: 165-166]. Вскоре из Львова сбежал сын Стефана Лакусты Константин, живший там после убийства отца. «Собрав вокруг себя немало разбойников и своевольных людей», он направился в Молдавию, чтобы «вызвать волнения». Корона обратилась с призывом к «украинским старостам» не помогать вероломному «во-

лоху» [ИС 1965: 173-174]. О глубинных причинах сплочения мятежных людей великий визирь писал в конце 1576 г.: «Нужда объединила молдаван, валахов и русских с ворами и злоумышленниками» [ИС 1965: 318].

Направлявшийся зимой 1585-1586 гг. в Литву французский барон отметил, что в трудном пути из Аккермана в Яссы его спутникам помогал слуга, немного говоривший по-славянски [CS 1970: 180-181]. Несколько позднее тесные отношения восточных романцев и славян попытались использовать католические правители. В одном из документов прямо говорится, что участие Валахии и Молдавии в борьбе с османами очень желательно, «в особенности, если бы они были в союзе с казаками». Действительно, Арон Тиран находился с ними «в соглашении». В 1595 г. он присягнул императору Рудольфу II и предложил казакам соединить силы. Однако после неудачной попытки взять Тигину господарем провозгласил себя венгерский гетман Рэзван. Казаки легендарного Наливайко не смогли освободить Арона, а новый правитель пообещал «всему рыцарству казачьему» за службу «платить, как и другим воинам, которые служат нам: венгры, сербы и казаки». Однако в Молдавию неожиданно пришли поляки и казаки. Они посадили на трон Иеремию Мовилу [ИС 1965: 199, 201, 204, 207, 209-211, 214].

Из документов следует, что рост численности рядового населения страны за счет славян происходил и другим путем. За 1585-1623 гг. сохранилось 13 грамот, которыми господари разрешали землевладельцам привлекать в свои имения иностранных поселенцев, освободив их на некоторое время [до 5 лет] от уплаты налогов [DIRA XVI-III: 288, 370-371; IV: 154-155; XVII-I: 31, 39, 77, 248; II: 8-9, 43-44; IV: 255-256, 257-258; V: 87, 198-199; МЭФ 1961: 141; ИС 1965: 260-261, 325]. Вот типичная для этих грамот формула: «Люди ... от иншии земли или русин, или москвитин, или мунтенин, или влах, или буди кто за языка будут, ... они да имают от нас слобождение: не робити нам ни жадной нашу работу, ни у воиско ходити... на три лету» [ИС 1965: 261].

Появление таких стандартных фраз в делопроизводстве конца XVI – первой четверти XVII в. вовсе не случайность. Их смысл отражал давнюю практику освоения редко заселенных земель Молдавии. Она документально засвидетельствована грамотой от 23 февраля 1453 г., которой господарь Александрел дал разрешение Яцкову монастырю «осадить село» близ Сучавы. С этой целью предполагалось привлечь разноплеменных поселенцев – «или русин, или гръчин, или буд какыи язык» [ИС 1965: 50-51].

Русины упоминаются в 12 грамотах из 13 [см. таблицу], тогда как представители других народностей называются от 1 до 10 раз. Кроме того, в списке возможных переселенцев они значатся исключительно

на 1 или 2 местах. Важное место среди новых поселенцев занимали и сербы, отмеченные в 9 из 13 случаев. В перечне они, как правило, помещены на 3-4 местах. Даже если за каждым из приведенных названий иногда стоят географические, а не этнические характеристики, значение славянской волны очень велико – она составляла около половины всего переселенческого потока. Независимо от происхождения прибывавших людей их размещали в разных районах – от Сорокской волости на северо-востоке до Нижнего Припутья на юге.

Упоминания разноэтничных новоприходцев в грамотах 1585-1623 гг.

№	Датировка грамот	Народы* и очередность их упоминания								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	3.09. 1585	-	1	3	-	2	4	-	-	-
2	3.01. 1588	1	-	2	-	-	3	-	-	-
3	1.07. 1589	1	-	3	6	2	4	-	5	-
4	13.01. 1597	2	6	3	5	-	4	1	-	-
5	13.01. 1602	2	6	3	5	-	4	1	-	-
6	17.04. 1602	1	3	4	-	6	5	2	-	-
7	27.03. 1603	1	3	4	5	2	-	-	-	-
8	15.06. 1605	2	4	-	1	3	-	-	-	-
9	25.02. 1606	2	3	-	-	4	-	-	1	-
10	19.05. 1606	1	-	-	4	3	-	-	2	-
11	1.04. 1618	1	4	3	-	-	-	-	-	2
12	2.01. 1622	1	3	4	5	-	-	2	-	-
13	20.03. 1623	1	3	-	4	-	-	2	-	-
Всего упоминаний		12	10	9	8	7	6	5	3	1

* Народы, упомянутые в грамотах: 1 – русины; 2 – венгры, 3 – сербы, 4 – влахи, 5 – мунтяне, 6 – греки, 7 – «ляхи», 8 – «московиты», 9 – турки.

«Правдивая информация о Молдавии» 1620 г. итальянца, служившего господарским секретарем, свидетельствует, что для местных жителей характерен «ломаный латинский, итальянский и русский язык» [CS 1972: 438-439]. Венгерский иезуит в 1644 г. отметил в числе 10000 разноплеменных молдавских куртян русских и болгар. Двумя годами позже католик-босниец называл среди жителей страны болгар, поляков, «рутенгов» и «московитов» [CS 1973: 280, 328].

Именно славяноязычие значительного количества населения позволяло «московским престолонаследникам» находить себе приют в Молдавии. В 1639 г. здесь задержали 26-летнего «вора» Симеона, выдававшего себя за сына Василия Шуйского. Этот человек якобы находился в польском плену «от младенчества его». Однако господарь Василий Лупу был уверен – самозванец пришел «творити развращение и нестроение в христианех» [ИС 1968: 39, 41]. В 1649 г. совершавший паломничество на Афон старец Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов узнал в Молдавии от русского купца еще об одном царевиче, который жил в ските «под Венгерскими горами». Его говоривший по-сербски слуга показывал долговую расписку хозяина, составленную на русском языке и заверенную печатью с легендой «Иван Васильевич Шуйской» [ИС 1968: 218-220].

Хорошо известно о тесных взаимоотношениях между молдаванами, казаками, «московитами» и поляками во времена Богдана Хмельницкого [см. Мохов 1961: 93-101]. Так, в 1654 г. русский посол сообщал о выступлении молдаван на стороне поляков «под черкасскими городами». Господарь Георгий Стефан оправдывался, что «те волохи пошли к ляхом на помочь самовольством» без его ведома, поскольку «они люди вольные, домов у себя не имеют и ходят-де в войну из найму, где похотят» [ИС 1968: 251].

Когда спустя полвека в Подольском воеводстве восстали крестьяне, им на помощь пришли «перебежчики с молдавской стороны, а также и из-за Днепра». Великий коронный гетман писал господарю Константину Дуке в феврале 1703 г.: «Бунт казаков в основном уже усмирён, и теперь те люди из Молдавской земли, которые были основательно замешаны в этом бунте, бегут назад за Днестр и прячутся там» [ИС 1970: 171, 192].

В 1702 г. в Москву поступила докладная записка, в которой сообщалось, что «волошанин» Константин Туркулец «обещался со всеми волохами, которые служат в Польше», стать на сторону русского царя. Из документов 1707 г. следует, что при содействии этого молдавского полковника в «волоского народу конницу» при войске Петра I было привлечено более 300 человек [ИС 1970: 183, 250, 257, 264]. Уже в 1709 г. К. Туркулец получил следующую характеристику: «Он немного полячитца» [ИС 1970: 315].

Приведенные факты разноплановых контактов, несомненно, отражали специфику этнического облика населения Молдавии и, в свою очередь, оказывали непосредственное влияние на его состояние. В какой-то мере этническую карту второй половины XVII в. конкретизировал Мирон Костин, указав, что русины занимали «Черновцы, Хо-

тин и всю область Днестра, цинуты Орхей, Сорока и на Пруте половину цинута Ясс, а также половину цинута Сучавы». Эти люди названы им потомками жителей Покутья и Подолья, расселенных здесь легендарным Драгошем [см. Полевой 1979: 112]. Димитрий Кантемир также пишет о славянском населении страны. По его сообщению, «Рутенская провинция Кымпулунг» пользовалась самоуправлением. В «Описания Молдавии» также говорится, что после того, как Болгария и Сербия оказались под властью турок, «многие потомки знатных родов этих государств ушли в Молдавию, как в общее прибежище того времени, и там благодаря своей верной службе приобрели права местных жителей и звания бояр». В другом месте сказано: «Сербы и болгары живут свободно и занимаются отчасти торговлей, отчасти служат в войске господаря на жаловании» [Кантемир 1973: 7, 38, 140, 147, 151-152].

Восточные романцы веками находились под мощным влиянием славянских государств. До создания в XIV в. Валахии и Молдавии это были Первое Болгарское царство, Киевская Русь, Галицко-Волынское княжество, Второе Болгарское царство. Затем им на смену пришли Сербия, Польское королевство, Великое княжество Литовское, Московское царство и, наконец, Российская империя. Прямое воздействие этих стран проявлялось в разных сферах жизни: торгово-экономической, социально-политической и этно-конфессиональной. При этом отношения на всех уровнях наиболее полно могут быть описаны понятием «**взаимопроникновение**». Доказательств данному утверждению очень много.

Памятники письменности Молдавии до второй половины XVII в. в подавляющем большинстве славяноязычны. Кроме произведений религиозного характера, речь идет о нескольких категориях исторических источников, в частности, летописях, повествующих о деяниях XV-XVI вв. [СМЛ 1976], а также тысячах памятников эпиграфики – строительные надписи, эпитафии, памятные гравировки на предметах культуры, легенды на господарских и боярских печатях [См.: Bogdan 1913; РМОА 1958; DRHA 1975; 1976; 1980]. Это обилие не может быть объяснено утверждением школьного учебника: «Славянский язык сыграл в культуре румынских стран ту же роль, что латынь в странах Западной и Центральной Европы. На славянском языке была создана богатая литература церковного и светского содержания. Но грамотных людей было очень мало, даже в среде господарей, бояр и купцов. Поэтому славянский язык знал ограниченный круг людей» [ИСВ 1999: 269]. Мягко говоря, это не совсем так.

Вплоть до XVII в. государственная канцелярия Молдавии работала главным образом на славянском языке. Она выпустила тысячи грамот,

так или иначе касавшихся вопросов землевладения. Господарские акты, обычно называемые «листами», сообщают в совокупности о сотнях поселений, составлявших вместе с угодьями т.н. «хотар». В грамотах говорится о принадлежности имения определенному лицу, часто о способе приобретения собственности и ее стоимости; имеются сведения о наличии пашни, сенокосов, пастбищ, озер, мельниц и т.п. Нередко в них по зрительным ориентирам очерчиваются границы имений. Грамоты перечисляют присутствовавших при их составлении членов господарского совета. Иной раз в документах фигурируют одновременно несколько десятков человек. Трудно поверить, чтобы в содержании таких жизненно важных записей не умели самостоятельно разобраться заинтересованные в них люди, ведь в стране действовал неизменный принцип: «нет сельского хотара без документа» [Советов 1972: 61-62]. Именно к ним апеллировала утвердившаяся в практике составления акта формула: «всем, кто его увидит или же его, читая, услышит» [DRHA 1975; 1976; 1980]. Следует согласиться с тем, что она касается обширного круга лиц, владевших славянским языком, и включавшего, по меньшей мере, землевладельцев [Городенко 2005: 90].

Около столетия назад установлено, что составители актовых записей Молдавии XIV-XVII вв. наряду с официальным западнорусским языком широко использовали «живой галицко-волынский говор» [Яцимирский 1909]. Дальнейшее изучение лингвистических особенностей молдавских грамот XV в., включая системы склонений и форм деепричастий, выявило заметное диалектное влияние с характерными архаичными чертами буковинско-гуцульских и покутско-буковинских говоров. Наличие в текстах молдовенизмов, а также специфических ошибок свидетельствует о билингвизме авторов. Причем не только в грамотах, но и в летописях (к примеру, т.н. Бистрицкой) обнаруживаются четкие следы «воздействия стихии разговорного славянского языка» [Веневцева 1965а: 129-135; 1965б: 100-107; Рацеева 1998: 243-248]. Такие речевые конструкции могли появиться только в условиях продолжительного существования славяно-молдавского двуязычия.

Славянским наречием, конечно, владели господа Молдавии XIV-XVI вв. Стефан Великий, возможно, выучил язык, когда в ранней молодости воспитывался в Немецком монастыре [Ешану 1983: 14]. Однако он пользовался им и в каждодневном общении, а не только в качестве официального. Достоинно внимания письмо дочери господаря, жены московского престолонаследника Ивана Ивановича Молодого. Послание полно нежности Елены к отцу: «Ниское челобитие и верная и сердечная любовь от любимой дщери господства... Наш милои и ласковой господине, и драги родителю, просячи милость Бога, рады быхом были, по си часы слышали о вашей милости, о добром животе

и здравии, занеже мы слышали о вашей милости о добром животе и здравии добре, о том милосердному богу хвали даем, а сердечно ся радуем и тем весели бываем...» [ИС 1965: 57]. Невозможно представить, чтобы письмо радующейся дочери было составлено по-славянски, чтобы затем обратно быть переведенным на молдавский язык.

Большой интерес вызывает составленный в Черновцах в ноябре 1503 г. протокол переговоров молдаван с представителем Польши, кардиналом Фредериком. В одном из абзацев латиноязычного документа приведена прямая речь Стефана. На уговоры покинуть Покутье господарь ответил, что спорная земля должна остаться в его владении: «Vzualy esmi tu bucato zemlye, hoczu stobi my szya ney dostalо». Опубликовавший памятник румынский славист увидел в этой фразе свидетельство того, что Стефан говорил по-русски. В протокольной записи речи молдавского посла Луки, обращенной к полякам в том же месяце, вновь узнаваемо звучат слова самого господаря. Для него Покутье – «буката земли, што оть Галицкого буковины долу межи Днестром и Планинами, што из века прыслуhalо ку Молдавской земли, из силоу отлучена от молдавское земли от давных часов» [Bogdan 1913: 472-496]. Очевидна одна и та же стилистика высказываний, совпадающая и с текстом письма Елены Волошанки.

Таким образом, славянство было живой и постоянно обновлявшейся материей средневековой Молдавии. В ряде районов страны славянским этносам принадлежало подавляющее большинство или значительная часть жителей. Культурное многообразие Молдавии обусловило сложение двуязычных романско-славянских массивов населения. Есть основания думать, что правящие слои молдавского общества говорили по-славянски. Это явление, надо полагать, особенно широко было распространено во времена независимости Молдавии – до 1538 г. Когда же с установлением османского господства традиционные социальные структуры оказались подвержены сильной деформации, двуязычие стало постепенно исчезать, сохраняясь только в виде отдельных территориальных очагов и во второй половине XVII в. [Полевой 1979: 112]. В «верхушечной части» общества (двор, знать, административный аппарат, служители культа) оно бытовало вплоть до XVI-XVII вв. [Борщ 1967: 57-61].

В Европе XVI в. была высказана мысль о том, что активным «мужским началом» всякого языка является письменность, ибо «она одна содержит в себе истину». Устное слово (как женская составная) считалось олицетворением «пассивного интеллекта» народа. Он, очевидно, характеризовал степень адаптации традиции к реальным условиям существования этноса [См. Фуко 1994: 75]. Актуализируя эти идеи, надо сказать, что в славянском языке средневековой Молдавии сосу-

ществовали оба его компонента. С одной стороны, население молдавских земель регулярно пополнялось за счет восточных и южных славян. Одних из них приглашали как свободных поселенцев, других приводили силой, третьи сами находили здесь свою судьбу. Именно сохранявшееся долгое время двуязычие явно способствовало успешному привлечению новых поселенцев из славянских стран.

С другой стороны, славянский язык стал очевидным атрибутом субкультуры духовной и светской знати, не зависившим прямо от этнического происхождения ее представителей. Люди, в то время обучавшиеся грамоте, получали возможность читать Библию, лично постигать высшие истины закона божьего, который православному населению Молдавии до XVII в. был доступен только в славянской редакции. Славянский язык не только приобщил нашу страну к православию, но открыл молдавским господам путь в колонну предводителей восточного христианства. Молдавия стала проводником православных ценностей с Балкан в литовские и московские земли, а равно и обратно. Сочетание двух порядков прочных связей, пронизывавших молдавское средневековое общество, на века определило позитивный характер молдавско-славянских отношений внутри страны и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

Борщ А.Т. 1967. Старославянский язык как компонент славяно-романского двуязычия // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Часть II. Кишинев. С. 56-64.

Венецьева Л.В. 1965а. Форми дієслів у молдавських грамотах XV ст. / Вісник Харківського університету. Вип. 1. С. 129-135.

Венецьева Л.В. 1965б. До характеристики морфологічних особливостей мови молдавських грамот XV ст. // Вісник Харківського університету. Вип. 4. С. 100-107.

Городенко А.П. 2005. Галицко-волошские связи в XIII-XIV веках // Русин. № 2. С. 86-92.

Гюзелев В. 1994. Извори за средновековната история на България [VII-XV вв.] в австрийските ръкописни сбирки и архиви. Т. 1. София.

Ешану А.И. 1983. Школа и просвещение в Молдавии [XV – начало XVIII в.]. Кишинев.

ИР 2001. История румын с древнейших времен до наших дней. Кишинэу.

ИРДМ 1992. История румын. Древний мир. Кишинэу, Яшь.

ИС 1965, 1968, 1970. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы. Т. I-III. М.

ИСВ 1999. Драгнев Д., Гонца Г. История румын. Средние века. Кишинэу.

Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.

Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М. С. 5-115.

Мохов Н.А. 1961. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей [с древнейших времен до начала XIX века]. Кишинев.

Мохов Н.А. 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев.

Мохов Н.А. 1978. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев.

МЭФ 1961. Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1. Кишинев.

Панаитеску П.П. 1992. История румын. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.

Рабинович Р.А. 2000. Испытание «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // *Stratum plus*. № 5. С. 262-390.

Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев.

Рацеева Е.В. 1998. К вопросу о языке славяно-молдавских летописей XV-XVI вв. [элементы румынско-славянской интерференции] // *Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și moderna*. Chișinău. С. 243-248.

Руссев Н.Д. 2005. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // *Русин*. № 2. С. 93-105.

СМЛ 1976. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М.

Советов П.В. 1972. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1: Очерки истории землевладения в XV-XVIII вв. Кишинев.

Сперальский З. 2001. Молдавские авантюры. Бэлць.

Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. 2002. «И... разошлись славяне по земле. Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.

Тимошук Б. 1969. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород.

Уреке Г. 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.

Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.

Яцимирский А.И. 1909. Язык славянских грамот молдавского происхождения // Сборник по славяноведению. Т. III. [Отдельный оттиск].

Bogdan I. 1913. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. I-II. București.

CS 1968, 1970, 1972, 1973, 1983. Călători străini despre Țările Române. București. Vol. I, III-V, VIII.

DIRA. Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. III [1571-1590]. 1951; IV [1591-1600]. 1952; Veacul XVII. Vol. I [1601-1605]. 1952; II [1606-1610]. 1953; IV [1616-1620]. 1956; V [1621-1625]. 1957. București.

DRHA 1975, 1976, 1980. Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I-III. București.